

Андрей Белый

СИМВОЛИЗМ

T8 RUGRAM

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Символизм / А. Белый. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 410 с.

Андрей Белый (1880–1934) — известный писатель Серебряного века, поэт, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

«Символизм» — уникальный сборник публицистических статей, в которых автор поднимает вопросы культуры, размышляет о «недостаточности» научного мировоззрения, о пределах психологии как науки, о художниках и искусстве, о поэзии и принципах формы в эстетике. Однако наиболее важное место в книге занимает попытка определения и выявления сущности «символов» как волшебного ключа к магии слова, а также исследование творчества известных символистов.

УДК 82-95
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Проблема культуры.....	7
О научном догматизме.....	19
По поводу столетия со дня смерти Канта.....	29
О границах психологии.....	43
Эмблематика смысла.....	65
Формы искусства.....	181
Принцип формы в эстетике.....	213
Смысл искусства.....	235
Лирика и эксперимент.....	277
«Не пой, красавица, при мне...» А. С. Пушкина.....	343
Магия слов.....	381
Будущее искусство.....	403

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой книге собраны некоторые из моих статей, расположенные в известном порядке; порядок и выбор статей обусловлен общим планом книги; ее задача — выдвинуть некоторые из вопросов, тесно связанные с искусством, в частности, с искусством современным; первая часть является подготовительной; здесь в общих чертах намечается ход обоснования тех тезисов, которые, по моему убеждению, должны лечь в основу эстетики будущего: такая эстетика связана с теорией символизма как миропонимания; краткий очерк такого миропонимания предложен в статье моей *«Эмблематика смысла»*; здесь я не стараюсь строго обосновать символизм; обоснование — цель отдельной книги, которую я надеюсь предложить вниманию читателя в близком будущем; чтобы выяснить отношение теории символизма к проблемам культуры, научной психологии и догматизму, я предпослал *«Эмблематике смысла»* четыре подготовительные статьи, последовательно приближающих читателя к проблемам теории символизма, из них две (*«Символизм и критицизм»* и *«О научном догматизме»*) уже были напечатаны раньше; в настоящее время я не разделяю по существу некоторых тезисов печатаемых статей, — однако я разделяю их условно. Приближая к пониманию основной статьи раздела *«Эмблематики смысла»*, предлагаемые статьи суть промежуточные звенья, соединяющие статью мою *«Проблема культуры»* с основными мыслями, высказанными в этом отделе.

В *«Эмблематике смысла»* я даю негативное обоснование доктрины символизма; положительное ее раскрытие я откладываю; считаю нужным здесь только сказать, что символизм есть для меня некоторое религиозное исповедание, имеющее свои догматы; все возражения методоло-

гическому догматизму, которые встретит читатель в моей книге, вовсе не касаются жизненных догматов; дисциплина и догмат, теория и догмат — несоизмеримы, потому что догмат есть Слово, ставшее плотью; но об этом лучше всего сказано в первой главе Евангелия от Иоанна.

Задача предлагаемой книги вовсе не изложение моего религиозного *credo*, эти несколько слов я считаю нужным сказать только для того, чтобы позицию, теоретически занимаемую мною, не смешивали с адогматизмом, иллюзионизмом и солипсизмом, столь модными в наши дни.

Во втором отделе книги я касаюсь главным образом задач и методов эстетики, ближайшим образом — той части ее, которая непосредственно ложится в основу науки о лирической поэзии.

Как в этом, так и в первом отделе книги статьи расположены по возможности так, чтобы они являлись отдельными главами одной книги; этим обуславливается и выбор самих статей; ряд статей, написанных в более импрессионистических тонах, я объединил в следующую книгу статей — «Арабески»; другой ряд статей, касающихся русской литературы, я объединил в книгу «Луг зеленый»; обе книги появятся вскоре.

Ввиду того, что статьи, долженствующие служить главами предлагаемой книги, писались в разное время, они, как самостоятельное целое (за исключением статей о ритме), требуют развития и пополнения; я снабдил их примечаниями, в которых отчасти восполнил некоторые из пробелов или развитием того или иного положения, или ссылками на мнения тех или иных мыслителей, или указанием на некоторые литературные источники, могущие заинтересовать читателей; при составлении библиографии я руководствовался вовсе не тем, чтобы эта библиография была исчерпывающей, а тем, чтобы читатели при желании могли на первых порах ориентироваться в том или ином заинтересовавшем их вопросе.

1910 года, апреля 5. Бобровка

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ

Вопрос о том, что такое культура, есть вопрос наших дней; не оспаривают значения культуры, оспаривают постановку тех или иных вопросов, связанных с культурой.

Еще в недавнее время понятием «культура» пользовались в обиходе как понятием общеизвестным; ссылками на культуру как на нечто известное всем пестрят не одни только публицистические статьи: ими пестрят и ученые трактаты; правда, многие мыслители уже указывали на чрезвычайную сложность самого понятия «культура». В настоящее время в ряде течений теоретической мысли переносится центр тяжести на вопросы культуры; то же отчасти происходит в истории философии и в философии истории; то же мы можем наблюдать в области искусства; культура оказывается местом пересечения и встречи вчера еще отдельных течений мысли; эстетика здесь встречается с философией, история с этнографией, религия сталкивается с общественностью; вырастает потребность точнее определить, что такое культура; до настоящего времени, сталкиваясь с проблемой культуры в обиходе нашей мысли, мы сталкивались с чем-то самоочевидным, не поддающимся определению; более пристальный взгляд на вопросы культуры превратил самую культуру в вопрос; разрешение этого вопроса не может не внести переоценки в постановку вопросов философии, искусства, истории и религии.

Культура оказалась для нас чем-то самоценным.

И потому вопрос о ценности вообще в современной теоретической мысли опирается на вопросы культуры как на вопросы, связанные с уяснением практических задач бытия; некоторые умственные течения выдвигают с особенной резкостью вопрос о ценности; является ли здесь

понятие о ценности приближающимся к понятию о творчестве, как у Бергсона, или приближающимся к понятию об этической норме, как в современном неокантианстве, — вопрос вторичный; в том и другом случае понятие о ценности сближается с понятием о должном и истинном; такой постановкой проблемы само теоретическое познание принуждены мы рассматривать с точки зрения практического его смысла: оно должно осуществлять свои цели, быть нужным... и в этом смысле ценным.

Что есть ценность познания?

Определяя эту ценность истинностью, мы еще не приблизимся к уяснению задач познания; в современной философии часто встречаемся мы с суждением *«истинное есть ценное»*; причем вовсе не определяется характер приведенного суждения: есть ли оно суждение синтетическое или аналитическое в кантовском смысле, т. е. вносится ли предикатом суждения нечто, не содержащееся в субъекте (истинное), или наоборот: понятие предиката относится к понятию субъекта как нечто, заключающееся в этом понятии; но прежде еще требуется определить в суждении *«истинное есть ценное»* подлинный субъект и подлинный предикат; ведь суждение это может быть прочитано наоборот: *«ценное есть истинное»*.

Одно из серьезнейших философских течений Германии, определяя истину как долженствование, видит в долженствовании единственную трансцендентную норму; но это же течение, определяя *истинное как ценное*, не решает вопроса о характере приведенного суждения; и трансцендентная норма повисает в иллюзионистической пустоте либо с привнесением понятия о ценности превращается в метафизическую реальность, потому что ценность в последнем случае привносится из областей, лежащих за пре-

СИМВОЛИЗМ

делами гносеологического идеализма, т. е. из мистического реализма; теория знания здесь не только становится теорией ценностей, но самая эта теория неминуемо опирается на процесс оценивания как факт внутреннего опыта; так вторгается в эту область из другого конца изгнанный психологизм, возвращаясь в виде мистического реализма; тут понимаем мы по-новому слова Геффдинга: *«На разработку проблемы ценности роковое влияние имело то обстоятельство, что Иммануил Кант хотел вывести понятие цели и ценности из понятия нормы»...*

Возвращение к психологизму неминуемо ведет нас к учению о том, что понятие о ценности опирается на внутренне-реальный в нас опыт, организация и поступательное движение которого преобразует нам окружающую действительность и в том смысле ее творит; *«всякое знание»*, говорит Риккерт, *«есть уже вместе с тем и преобразование действительности»*; преобразование действительности вокруг нас, скажем мы, зависит от преобразования ее внутри нас; творчество оказывается прежде познания.

В продуктах человеческого творчества нас интересует изучение всего индивидуального, неразложимого в них; неразложимая цельность индивидуальных памятников культуры есть отпечаток, во-первых, личного и, во-вторых, индивидуально-расового творчества; такая индивидуальная целостность есть выражение внутренне-переживаемого опыта; внутренне-переживаемый опыт и есть ценность; внутренне-переживаемый опыт человечества отливается в религиозной и художественной символике; вторая есть отпечаток личного творчества; первая — индивидуально-расового; недаром процесс религиозного и эстетического творчества объединяет Геффдинг в процессе сохранения и

накопления психических ценностей; «вера в сохранение ценностей», говорит он, «есть необходимое условие активного сохранения ценности в каждом данном случае»; и далее прибавляет: *«здесь должны мы поучиться у старых мистиков»*.

Теоретический взгляд на ценность зависит от умения пережить нечто ценное: *«кто хочет практически узнать ценность, тот должен ее пережить»* — так приблизительно высказывается Риккерт, заканчивая трактат *«О предмете познания»*, и мы видим тонкую улыбку мудрости из-под маски отвлеченных рассуждений фрейбургского мыслителя; скажем открыто: умение пережить — это почти уже магия, почти йога; теория здесь оказывается маской, за которой кроется мудрость посвященного в глубину живой жизни: то, что советует Риккерт, практически исполняли законодатели религий, творцы культур, греческие философы до-сократовского периода, как исполнил позднее этот завет Гете, а в наши дни — Ницше.

Наряду с необходимой задачей верно поставить проблему ценности, наряду с попытками по-новому воскресить проблемы Шеллинга, Фихте и Гегеля, наряду с все более философией проникающей мыслью о творческом характере самих познавательных актов возникает стремление по-новому обосновать и проблемы культуры. Что есть культура? Заключается ли она в знании, в познании, в прогрессе, в творчестве? Наконец: что есть культурная ценность?

«Понятие о культуре в высшей степени сложно», — говорит в своей *«Этике»* Вильгельм Вундт; он перечисляет условия культуры, как то: упорядочение имущественных отношений, изобретение орудий производства, средства сообщения и, наконец, данные духовного развития; культура, как это видно по Вундту, является продуктом весьма